

СИСТЕМА ПАТРИОТИЧЕСКОГО воспитания в современной России

Александр Викторович Попов, доцент, доктор исторических наук, заведующий лабораторией евразийских исследований Владимирского филиала Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова

Ирина Николаевна Попова, доцент, кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой теории и методики воспитания Владимирского института повышения квалификации работников образования им. Л.И. Новиковой

Почти два столетия эти строки не утрачивают силы эмоционального воздействия в выражении чувств и отношения к нашему Отечеству. Воспитание патриота сегодня кроется, прежде всего, в ответах на вопросы: что такое патриотизм для русского человека? Необходим тщательный анализ системы патриотического воспитания, сложившейся в те периоды, когда общественное сознание России было сплочено в наибольшей степени.

«Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу,
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам».

А.С. Пушкин

Обратимся к героическим страницам того периода российской истории, который стал ярким проявлением патриотического сознания и массового героизма русского человека. Речь идёт о событиях Отечественной войны 1812 года. 200-летняя годовщина этих событий даёт нам повод отдать должное величию наших предков и с научной точки зрения проанализировать причины формирования феномена «патриотическое сознание» на примерах воспитания офицеров-дворян начала XIX века.

Герои 1812 года были убеждены, что «первый долг гражданина и сына Отечества — защищать его и не пощадить последнюю каплю крови своей для пользы его, и тот, который, видя пользу, которую принесёт смертью своею, и поколе-

блется... который предпочтёт слабую жизнь свою Отечеству, — тот не только гнусен вам, но и всякой слабой женщине»¹.

«Когда по России разнеслась весть о нашествии Наполеона, — вспоминал Н.Б. Голицын, — одно чувство одушевило все сердца, приверженные к царю и отечеству... оставалось каждому из нас принести в жертву родине свою жизнь и достояние, предоставляя Богу обратит этот порыв священного чувства к торжеству правосудия»². Это чувство приводило к невиданному доселе самопожертвованию, проявлявшемуся русскими офицерами в Отечественной войне. «В отечественной войне и люди — ничто! Кровь льётся как вода: никто её не щадит и не жалеет её!»³.

¹ Я.Н. Мордвинова — С.Н. Корсакову, 9 сентября // К чести России: Из частной переписки 1812 г. М., 1988. С. 103.

² Голицын Н.Б. Офицерские записки, или Воспоминания о походах 1812, 1813 и 1814 годов // Отечественная война 1812 г. в воспоминаниях современников [сборник]. М., 2008. С. 142.

³ Глинка Ф. Письма русского офицера. М., 1987. С. 21.

М.И. Муравьев-Апостол писал: «Мы были дети 1812 года. Принести в жертву всё, даже самую жизнь, ради любви к отечеству было сердечным побуждением. Наши чувства были чужды эгоизма»⁴.

Таким образом, русский офицер 1812 года рассматривал Отечество как главный, если не единственный, объект своего служения. Анализ воззрений участников войны свидетельствует, что национальное чувство является квинтэссенцией их системы ценностей, основанной на этнорелигиозном, этнополитическом, этносоциальном и этнокультурном сознании.

Погружаясь в проблему патриотического воспитания в условиях современной России, крайне важно осознавать, что определение его содержания не может рассматриваться вне понимания этих составляющих. Отсюда каждая из них приобретает особую смысловую нагрузку и ценностную значимость.

Этнорелигиозное сознание — это ядро нравственности, определяющее цель деятельности русского человека как исполнение долга, связанного с ответственностью за Святую Русь, православное царство, для которого бороться с врагами означало *предотвращать поругание православных святынь*.

Духовно-нравственные ценности русского офицерства начала XIX в. базировались на христианской основе. С точки зрения воинства, осознание своих обязанностей по отношению к Отечеству и верное их исполнение образовывали *добродетель патриотизма*: «Служба Родине была *дейтельным богослужением* и патриотизм совпадал с *благочестием*»⁵. Как показывает анализ воспоминаний участников Отечественной войны, вторжение Наполеона и святотатства его армии⁶ актуализировали этнорелигиозное самосознание военной интеллигенции России, в

⁴ Воспоминания и письма М.И. Муравьева-Апостола // Мемуары декабристов. Южное общество / Под ред. И.В. Пороха и В.А. Фёдорова. М., 1982. С. 178.

⁵ См.: Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь: В 82 т.: Т. 45. СПб., 1998. С. 36.

⁶ Очевидцев поразило то, что французы устраивали конюшни в церквях. (См.: Растворин Ф.В. Тысяча восемьсот двенадцатый год: записки // Отечественная война 1812 г. в воспоминаниях современников. С. 61; Голицын Н.Б. Указ. соч. С. 154.)

Воспитательная ИДЕОЛОГИЯ

основе которого было ощущение сакральности границ Святой Руси. Поэтому и защищает она не только страну, но и *веру*, а предательство считает не только преступлением, но и *грехом*. Участие в такой войне — дело святое, за которое грешно требовать награду.

Этнополитическое сознание — это восприятие в качестве объекта патриотического служения Отечества как государственно-политического образования. В этом случае особое значение приобретает облик главы российского государства — российского императора.

Большая часть русского офицерства России не отделяла понятие Отечества от личности царя и самодержавного устройства России. Восприятие Государя Императора объектом службы сохраняется как один из стереотипов общественного сознания. Наиболее ярко этот образ проявлялся в поэзии:

«Я люблю кровавый бой
Я рождён для службы царской...».
(Д.В. Давыдов, 1815).

«Полковник наш рождён был хватом:
Слуга царю, отец солдатам...».
(М.Ю. Лермонтов, 1837).

Единодушное преклонение перед императором предполагало взаимодополнение образов «царь» и «Отечество». Этот процесс отразился в том, что формула «за царя и Отечество» превратилась в устойчивое выражение. Так, в приказе по Молдавской армии от 15 марта 1810 г. П.И. Багратион благодарил солдат и офицеров армии за «строгое исполнение их обязанности пред монархом и Отечеством»⁷.

При анализе этой проблемы необходимо учитывать глубинные цивилизационные аспекты существования Российской

⁷ Генерал Багратион: Сб. документов и материалов. М., 1945. С. 117.

империи. По мнению И.А. Ильина, осознание этого факта влечёт за собой целую палитру чувств, ценностей и мотиваций, характерных для традиционного сознания россиянина: «культ ранга, принятие судьбы и природы, патриархальность и фамильярность, пафос верности, тяга к интегрирующей аккумуляции; культ чести, культ традиции, гетерономия, авторитет»⁸. Причём верность монарху и готовность служить ему опираются непосредственно на христианское представление о религиозном служении⁹.

Вместе с тем необходимо отметить, что приятие незыблемости монархии не только не отрицает, но и предполагает ответственность, налагаемую на носителя верховной власти лично.

В этой связи интересно рассмотреть восприятие представителями правящей династии связи между монархом и Отечеством после восстания декабристов. В духовном завещании Михаил Павлович призывал своих питомцев: «Помните всегда, что вы одолжены своим существованием Государю императору, его постоянным к вам милостям... В России священные имена Государя и Отечества нераздельны; эта нераздельность — наша сила, пред которой неприятели наши всегда сокрушаются и крамоле не будет места»¹⁰. Эти представления основывались на понимании императорами своего долга перед страной. Так, Николай I, продолжая петровские традиции, не только требовал от высших военных управленцев служить Отечеству¹¹, но и демонстрировал пример такого служения, исполнения долга как перед страной в целом, так и перед своими подданными, и прежде всего теми, кто носил солдатские и офицерские мундиры.

⁸ Ильин И.А. Основы государственного устройства. Проект Основного закона Российской империи. М., 1996. С. 31–32.

⁹ См.: Боханов А. Самодержавие. Идея царской власти. М., 2002. С. 309.

¹⁰ Оно носило название «Прощание с моими детьми — воспитанниками военно-учебных заведений» (см.: Аурова Н.Н. Система военного образования в России: кадетские корпуса во второй половине XVIII — первой половине XIX в. М., 2003. С. 30–31).

¹¹ По воспоминаниям А.А. Игнатьева, в преданиях его семьи остался такой эпизод: «Я — первый слуга России, — будто бы говорил Николай, — вам, генералам, надлежит быть вторыми, в противном случае — в Сибирь!» (Игнатьев А.А. 50 лет в строю. М., 1986. С. 631).

Этносоциальное сознание предполагает не только служение интересам государства, но и своему народу.

Переход от исключительно этнополитического самосознания военной интеллигенции к этносоциальному как тенденция формировался с конца XVIII в.: Россия начала рассматриваться не только как империя, но и как социально-культурное образование, не связанное жёстко с существовавшим в ней политическим строем.

В формировании патриотизма, понимаемого именно с этой точки зрения, решающую роль сыграло нашествие Наполеона. Когда древняя русская столица была взята французами, традиционная имперская идентичность утратила большую часть своих аргументов, а чувство оскорблённой национальной гордости охватило всё население.

Осуждению подвергалась забота о своём имуществе и стремление вывезти из Москвы предметы роскоши, игнорируя раненых или падающих от усталости солдат¹². В то время как многие представители знати цеплялись за французскую моду и французов-гувернёров, офицерству гораздо ближе стали русские крестьяне, вышедшие всем миром, чтобы помочь Отечеству и уничтожить захватчика. Эти же крестьяне, одетые в солдатские мундиры, показывали чудеса храбрости и стремление защитить Россию. «Надо видеть наших солдат, — писал Ф. Глинка, — без ропота сносящих голод и стужу, с пылким рвением идущих на бой и мгновенно взлетающих на высоты окопов, чтоб иметь понятие о том, как принято освобождать города своего Отечества!» Оскорбление национальных чувств нападением Наполеона на Россию привело к краткому моменту единения общества, не разделённого в этих условиях классовыми перегородками.

¹² «Не совсем хорошо и то, что по той же самой дороге, где раненные солдаты падают от усталости, везут на телегах предметы моды и роскоши. Увозят вазы, зеркала, диваны, спасают Купидонов, Венер. А презирают стоны бедных и не смотрят на раны храбрых». (Глинка Ф. Письма русского офицера. С. 24).

В «Русской правде» П.И. Пестеля цель государства, гражданского общества обозначена как *благоденствие всего общества вообще и каждого из членов его в особенности*. «...Истинная цель государственного устройства должна непременно быть — возможно большее благоденствие многочисленнейшего числа людей в государстве, почему и должны всегда выгоды части или одного нераздельного уступать выгодам целого, признавая целым совокупность или массу народа»¹³. Впервые объектом службы военного интеллигента стали считаться исключительно *интересы народа*.

Этнокультурное сознание акцентирует внимание на ценности культурных, языковых, этнографических особенностей своего народа.

Первоначально утверждение своего национального самосознания выражалось в неприятии франкомании, увлечение которой было специфической чертой российского дворянства на рубеже XVIII—XIX вв.

В таком патриотическом порыве приверженность французской моде, культуре как традиционное поведение дворянской знати до пришествия Наполеона рассматривалась как измена Отечеству.

В стихотворении «Родина» М.Ю. Лермонтов, попытавшись разобраться в этом чувстве, видел две отчизны: одна включала «славу, купленную кровью», «полный гордого доверия покой», «тёмной старины заветные преданья». Противоположную реакцию вызывала у него Россия, любовь к которой поэт выражал в восхищении её природой:

Её степей холодное молчанье,
Её лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек её, подобные морям.

Такое же благоговейное чувство у него вызывал и культурный пейзаж, отражавший жизнь простого народа:

С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;

¹³ Пестель П.И. Русская правда. СПб., 1906. С. 5.

Воспитательная ИДЕОЛОГИЯ

И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужиков.

Гуманизм как вершина патриотического самосознания

Восприятие народа как одного из воплощений Отечества предполагало необходимость его *защиты*. Эта идея проходит через всю историю России. В 1774 г. граф С.Р. Воронцов в обращении к ротным командирам отмечал, что «воин превозмогает труды часто несносные и, не щадя своей жизни, *обеспечивает своих сограждан*, защищает их от врагов, обороняет Отечество и святую церковь от порабощения неверных и этим заслуживает признательность и милость государя, благодарность земляков, благодарность и молитвы чинов духовных»¹⁴. Защита Отечества неотъемлемо связывалась с заботой о *безопасности сограждан*, о неприкосновенности родной земли.

Особенно остро это осознание проявилось во время нашествия Наполеона. Необходимость защиты своего народа заслонила правила «честного» рыцарского противостояния, развязав партизанскую войну против французов. Об этом говорит приказ М.Б. Барклая де Толли: «Как мы теперь находимся в местах отечественной России, то должно внушить обывателям, чтобы они старались хватать патрули и шатающихся по разным дорогам, где можно, чтобы их истребляли, и также ловили мародёров. Внушите жителям, что теперь дело идёт об Отечестве, о Божьем законе, о собственном имени, о спасении *жён и детей* (выделено авт. — А.П., И.П.)»¹⁵. Та же мысль проходит через все исследованные мемуары участников этих событий.

¹⁴ Инструкция ротным командирам... // О долге и чести воинской. С. 38.

¹⁵ Цит. по: Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны 1812 г. СПб. 1845. В 4-х вып. Вып. 1. С. 324.

Однако этот аспект не исчерпывал гуманизма русского офицерства. Непосредственно на поле боя самым ярким проявлением этого качества являлось *чувство воинского товарищества*. Это одна из наиболее древних скреп, соединяющих военную корпорацию. Во все времена для русского воина было священным правило: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15:13). В бою чувство товарищества предполагало немедленную готовность помочь попавшему в беду.

Примером такого поведения стали действия М.Б. Барклая де Толли в январе 1807 г., когда он принял неравный бой, приведший к гибели всего его трёхтысячного отряда. Свой поступок он объяснял в реляции следующим образом: «Во всяком другом случае я бы заблаговременно ретировался, дабы при таком неравенстве в силах не терять весь деташемент мой без всякой пользы, но через офицеров, которых посылал я в Главную Квартиру, осведомился я, что большая часть армии ещё не собрана при Ландсберге, находилась в походе, и никакой позиции занято не было. В рассуждении сего, почёл я долгом, *лучше со всем отрядом моим пожертвовать собою* столь сильному неприятелю, нежели, ретируясь, привлечь неприятеля за собою и через то подвергнуть всю армию опасности (выделено авт. — А.П., И.П.)»¹⁶.

Для офицера «боевыми товарищами» были не только равные ему, но и подчинённые, солдаты. Товарищество в этом отношении основывалось на принципе «заботы», «опеки», выражавшемся в стремлении снизить боевые потери и обеспечить, насколько это возможно, комфортные условия жизни «нижних чинов». Товарищеское отношение военных интеллигентов по отношению к своим подчинённым, как на войне, так и в мирное время проявлялось в повседневной *заботе* о них.

Уже А.В. Суворов, умея требовать от своих «чудо-богатырей» невозможного, в то же

время постоянно следил, чтобы они были одеты и обуты, накормлены и веселы. Обращает на себя внимание тщательный анализ полководцем любой мелочи, которая может упростить жизнь солдата — от мокрых сапог до порядка движения на марше. В походе, в бою или в мирное время полководец огромное значение придавал материальному снабжению своих войск. Этому он учил и своих генералов: постоянная забота о жизни армии видна в приказах П.И. Багратиона и М.Б. Барклая де Толли.

Товарищеское отношение русского офицерства к солдату в годы Отечественной войны 1812 г. породило ту сплочённость, которой неизменно удивлялись наши противники. По свидетельству графа де Соююра, русская армия представляла собой «единую нацию, сражающуюся за общее дело». Его поразило, что даже в самые тяжёлые дни отступления русская армия не рассыпалась, и её разбросанные частицы стремились воссоединиться: раненые воины пытались добраться до ближайших воинских частей, офицеры несли на себе раненых солдат, даже тяжело раненные стремились обрести покой среди тел своих сослуживцев.

Особенно ярко эта тенденция проявилась на фоне распада Великой армии Наполеона, которая к концу похода на Россию полностью деградировала: «Не было больше братства по оружию, не было общества... Как дикари, сильные грабили слабых; они сбегались к умирающим, часто не дожидаясь даже их последнего вздоха»¹⁷.

На бытовом, повседневном уровне воплощением патриотизма было боевое товарищество. Наиболее тесными узами был связан сам офицерский корпус. Составляя «полковую семью», товарищи любого офицера постоянно окружали его; в этом

¹⁶ Цит. по: Морозов Н. Воспитание генерала и офицера как основа побед и поражений // Офицерский корпус русской армии. С. 61.

¹⁷ Граф де Соююр. Поход в Россию. Мемуары адъютанта. М., 2002. С. 93.

кругу проходили лучшие годы его жизни, и часто среди них офицер встречал свою смерть. Поэтому так велико было значение «общественного мнения», защищавшего корпоративную честь офицерского корпуса.

Синтез ценностей «патриотизм» и «офицерская честь» как основа духовной концепции «Честь и слава России»

XVIII — середина XIX в. — время, когда отношения между офицерами в большей степени регламентировались законами дворянской чести, формирование которых было связано с семейным воспитанием.

Российский офицерский корпус получил в наследство от Московии представление о чести как сумме обязанностей и связанных с ними привилегий, содержание которых зависело в большей степени от родовитости человека, чем от его непосредственных заслуг.

Принцип родовитости сохранился и в последующем¹⁸. Память о великих предках и гордость своим происхождением требовали, прежде всего, *не уронить родовой чести дворянина*. В противном случае позор ложился на всех членов фамилии.

В «Наставлении господам пехотным офицерам в день сражения, 17 июня 1812 года» М.С. Воронцов писал: «Долг чести, благородства, храбрость и неустранимость должны быть святы и нерушимы; без них все другие качества ничтожны, храбрость ничем на свете заменить не может: кто в себе не чувствует уверенности, что страх им в деле не овладеет, тот должен немедленно оставить службу и в обществе офицеров... терпим быть не можем»¹⁹. Не случайно одной из наиболее важных характеристик офицеров, использованных в воспоминаниях этого периода, являются храбрость и её синонимы. Трусовость, напротив, встречается как исключение.

¹⁸ По подсчётам И.В. Фаизовой, за 50 лет действия «Табели о рангах» состав российского дворянства обновился за счёт выходцев из непривилегированных сословий только на 9%. (См.: Фаизова И.В. Манифест о вольности и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999. С. 48).

¹⁹ Воронцов М. Наставление господам пехотным офицерам в день сражения, 17 июня 1812 года // Военный сборник. 1902. № 7. С. 244.

Воспитательная ИДЕОЛОГИЯ

Однако понимание честолюбия как простого стремления к славе, известности, почестям для русских офицеров 1812 года было бы совершенно недостаточно (если не сказать — неверно). Высшим воплощением чести для них стало *достоинство и слава России*.

Второго июня 1807 г. отряд Н.М. Каменского (второго), занимавший Кенигсберг, был окружён корпусом наполеоновского генерала Бельяра. Пять тысяч русских были окружены тридцатью тысячами французов. Бельяр лично отправился к русскому военачальнику, чтобы предложить ему капитуляцию на самых почётных условиях. «Удивляюсь вам, генерал, — ответил Каменский. — Вы видите на мне русский мундир и осмеливаетесь предложить сдачу!» Невероятным усилием он сумел вырваться из окружения²⁰.

Один из продолжателей дела А.В. Суворова, генерал Котляревский, в приказе о штурме крепости Аракс писал: «Решаясь приступить к сему последнему средству, даю знать о том войскам и считаю нужным предварить всех офицеров и солдат, что отступления не будет. Нам надо взять крепость или всем умереть, зачем мы сюда и присланы. Я предлагал два раза неприятелю о сдаче крепости, но он упорствует; так докажем же ему, храбрые солдаты, что *силе штыка русского ничто противится не может*: не такие крепости брали Русские (прописная буква у А.А. Керсновского. — А.П.) и не у таких неприятелей, как персияне, а сии против тех ничего не значат»²¹.

Величие Наполеона как сильнейшего в мире полководца, стоящего во главе мощнейшей армии, рождало не ужас и обречённость, а величайшую гор-

²⁰ Керсновский А. Качества военного человека // Душа армии: Русская эмиграция о морально-психологических основах российской вооружённой силы. М., 1997. С. 373.

²¹ Цит. по: Керсновский А.А. История русской армии. Т. 1. С. 212–213. Кроме того, См.: Приложение 3. Раздел 2.1.

дость. А.П. Ермолов в эти дни писал П.И. Багратиону: «Представьте, ваше сиятельство, что два дня решат участь сильнейшей в Европе империи, что вам судьба предоставляет сию славу»²².

Поражение России русские офицеры считали личным бесчестьем. Чрезвычайно болезненную реакцию вызвали первые успехи Наполеона, особенно падение Москвы. П.И. Багратион с горечью писал А.П. Ермолову: «Жаль мне смотреть на войско и на всех на наших. В России мы хуже австрийцев и пруссаков стали»²³. Д.С. Дохтуров писал жене: «Я в отчаянии, что оставляют Москву. Какой ужас!.. Какой стыд для русских покинуть столицу без малейшего ружейного выстрела и без боя... Какой позор!..»²⁴.

Таким образом, патриотизм русского человека, офицера, в начале XIX века — сложное комплексное образование, в основании которого лежало этнорелигиозное, этнополитическое, этносоциальное и этнокультурное сознание, а в процессе их формирования решающую роль играли гуманизм, воинское товарищество, дворянская честь. Результатом

слияния этих компонентов в процессе воспитания и стал тот всплеск патриотического чувства, который и сделал войну с Наполеоном 1812 года в полной мере Отечественной.

Острая потребность в подобных всплесках патриотических чувств существует и сегодня. Именно поэтому мы снова и снова возвращаемся к этим героическим страницам, чтобы разобраться в проблеме проектирования содержания патриотического воспитания в условиях развития современного российского образования и современной российской государственности. Вскрывая эти особенности формирования патриотического сознания, педагогическому сообществу предоставляется возможность поразмышлять над глубиной содержания тех или иных мероприятий патриотической направленности, которые проводятся в образовательных учреждениях, и сделать шаг от формального уровня к творческому переосмыслению исторического опыта и его реализации в практической деятельности. **В.Ш**

²² А.П. Ермолов. Письмо П.И. Багратиону, 6 августа // К чести России. С. 64. Аналогичные высказывания звучат и в воспоминаниях. См.: Приложение 3. Разделы 2.2, 8.4.

²³ П.И. Багратион. Письмо А.П. Ермолову, 7 июля // Там же. С. 51.

²⁴ Д.С. Дохтуров. Письмо жене, 31 сентября // К чести России. С. 94.